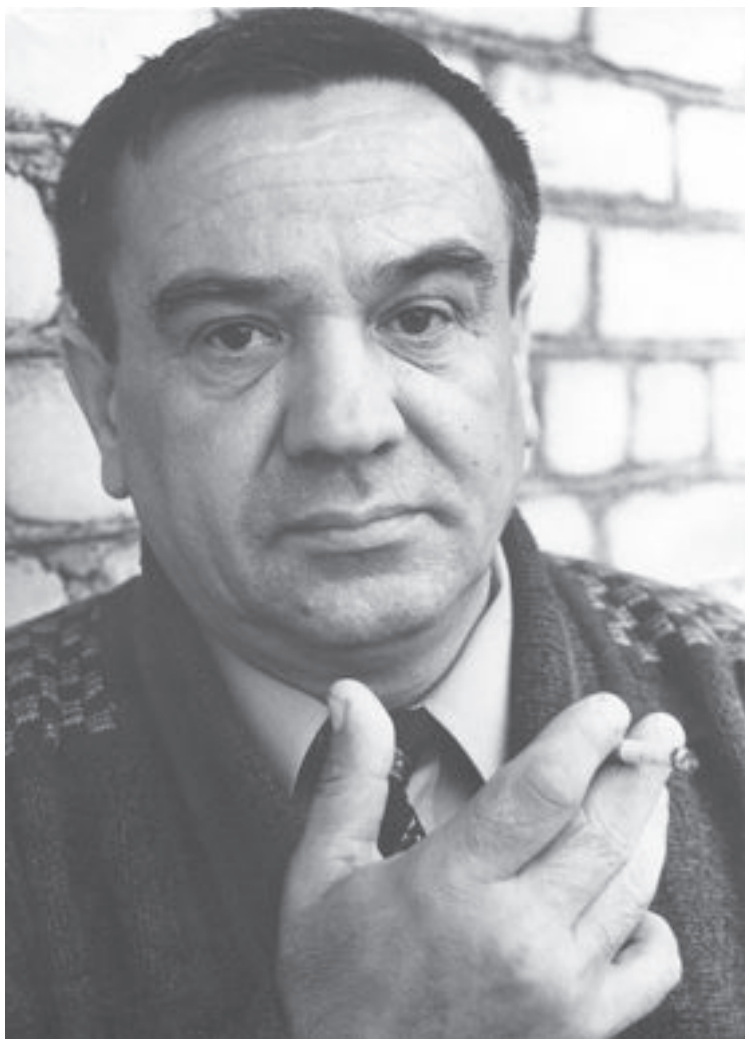
Сашу природа поцеловала

> Будет смерть как продолженье жизни...



Слова, вынесенные в подзаголовок, принадлежат Александру Павлову. Вот уже полгода, как нет нашего коллеги и друга, «рабочего поэта» Магнитки, журналиста, человека доброй и светлой души.

Римма Дышаленкова сказала о нем очень лаконично и нежно: «Сашу природа поцеловала». Он же говорил, что земная жизнь настоящих поэтов слишком коротка – ну не под силу простому человеческому организму выдерживать людскую боль, переживания, эмоции, помноженные на силу таланта, который постоянно берет на себя настоящий литератор. Не выдержало сердце и у Александра Борисовича. В 61 год он ушел из жизни, полной творческих планов и надежд.

У Александра Борисовича остались его ученики, воспитанники по литературной студии «Магнит». Осталось и журналистское наследие – его статьи в газете «Магнитогорский металл», в которых он не мог пройти мимо человеческого равнодушия или бессердечия, где он горой вставал на защиту и давал благословление истинным талантам. Остались его книги и память – как об одном из самых больших поэтов Магнитки поколения, следующего за Борисом Ручьевым.

Родные и друзья передали нам несколько папок с неопубликованными венками сонетов и поэмой, дневниковыми записями. Без сомнения, они увидят свет и в газете, и в отдельной книге. Сегодня свои стихи Александру Павлову посвящают его друг, бригадир электриков ЗАО «Электроремонт» Виктор Калугин и одноклассница Ольга Мозгова.

Виктор КАЛУГИН

Слово о друге

Будет смерть и будет пьедестал.
Будет город жить привычной жизнью.
Будет тот, который не познал
Корочку, пропахшую полынью.

Да о том ли следует тужить?
Пусть потомок не познает глада.
Только б память не поистребить
Глянцевостью внешнего парада.

Мать-природа, ты всегда права
От рожденья до печальной тризны...
Если Бог его поцеловал –
Смерть явится продолженьем жизни.

* * *

Ну, зачем я твой адрес порвал
Этим днем на тетрадном листочке.
Если б знал, если б знал,
если б знал,
Что ты мчишься
к единственной точке.
Оттого ли остыли ветра
И нелепо кружатся снежинки,
Что нельзя повернуть на вчера –
Путь размыт набежавшей
слезинкой.
Небо плачет последним дождем.
Плачет город тобою воспетый.
Гонит ветер потушенным днем
Твою лодку в тревожную Лету.
Если б знал, я бы смог, если б знал,
Что ты мчишься
к единственной точке...
Ну, зачем я твой адрес порвал
В этот день на тетрадном листочке?!

* * *

Твои хмельные радостью глаза
Лучились добротой и поволокой.
Подернулась лучистая заря,
Поскольку око было одиноко.
Я помню взор и твердое плечо,
И долевую складку, и улыбку.
И странный суп из мойвы, и харчо,
Как собственную маленькую зыбку.
Я не забуду, мой учитель, – нет,
Как ты просил, сознание тараня:
– Ну, что ты, «Сыр голландский»,
вычишь мне.
Зови меня, как мама в детстве –
Саня.
А я не мог и лишь в хмельном
бреду
Вещал тебе, хотя и был не ровня:
– Послушай, Саня, и в моей родне
По линии отца бывала двойня...
Твои хмельные радостью глаза
Лучились добротой,.. но поволокой
Подернулась лучистая заря –
На сердце пустота и одиноко.

* * *

Срубить бы дом в глухой-глухой тайге,
Направить баню, обиходить птицу
На речке молодой Аллаелге...
Да жить себе да жить
не торопиться
А. ПАВЛОВ

Как умею отдаю долги
И вздыхаю гулко и глубоко...
Убегу к брегам Аллаелги,
Заживу размашисто, широко.

Там шумит высокая тайга
И скалистый берег крут и кряжист.
Позови меня, Аллаелга,
По весне, когда отпустит тяжесть.

И когда наступит ледолом,
Полетит шуга подобно слухам,
Я приду к тебе с тугим веслом,
Укрепляясь помыслом и духом.

Пусть кому-то это невдомек:
Отчего вот так... но память кругом...
Просто я зашел на огонек
Повидаться с незабвенным другом.

Ольга МОЗГОВА

Неувядающий букет

Бараки на «Берёзках»
сердце ранят...
Там школа восьмилетняя моя.
В ней одноклассник, юный
Павлов Саня
Поэзией мальчишек вдохновлял.

Он открывал сокровища
Шекспира
И Гамлета вопросы задавал...
Его ж манила собственная лира
Он к слову-откровению взывал...

И вот он стал поэтищем
известным,
Другой бы нос под небосвод
задрал.
А он по пояс в рукописях местных,
Чужие закорючки разбирал...

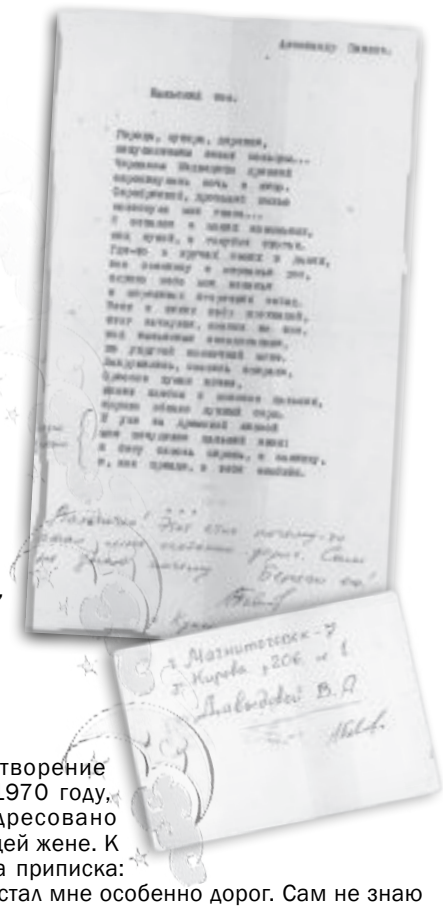
Я помню всех: и маму, и отца-
Воителя, и старшего Володю,
Что отдал долг Отчизне до конца,
Под стылою балтийскою водою.

Я помню, это значит, ты живой,
И вновь несешь неугасимый
свет,
Стихов неувядающий букет,
Однажды нам подаренный
тобой.

Александр Павлов

Июльский сон

Города, хутора, деревни
потускневшим лежат кольцом...
Черпаком Медведицы древней
опрокинулась ночь в лицо.
Серебристой, дрожащей пылью
полоснула мои глаза...
Я остался в полях ковыльных,
под луной, в голубых стогах.
Где-то в кручах своих и далях,
как слезинку в мерцанье рос,
скрыло небо мои желанья
в переливах сгоревших звезд.
Веет с тихих озер прохладой,
стог качнулся, поплыл во сне,
под июльскими звездопадами,
по упругой полночной мгле.
Закружились, сошлись спирали,
Орионов туман исчез,
тянет хлебом с покосов дальних,
скрыло облако лунный серп.
И уже за дремотой липкой
мне почудился дальний звон:
Я бегу сквозь сирень, в калитку,
Я, как прежде, в тебя влюблен.



Это неопубликованное стихотворение Александр Павлов написал в 1970 году, когда служил в армии. Оно адресовано Валентине Давыдовой, его будущей жене. К машинописному тексту сделана приписка: «Валёночек! Этот стих почему-то стал мне особенно дорог. Сам не знаю почему. Береги его!»

Бегство

Дни – пусты.
И даже слишком...
Дом-гостиница – «Восток».
Заурядный городишко,
Заурядный уголок.

А как раз напротив – баня,
Где в буфете допоздна
Отпускает пиво Маня –
Чья-то славная жена.

Здесь неспешные привычки:
Лес и фабрика «Привет»,
Где обсеривает спички
Вся округа сотню лет.

Сани, валенки и шубы,
Души ясны и чисты...
Хорошо вдали от шума
И цивильной суеты.

* * *

Устал от поиска идей,
Что обещают свет во мраке...
Чем лучше узнаю людей,
Тем больше нравятся собаки.
2010 г.

* * *

Исток Урала неглубокий,
Со всех сторон я на краю:
Одной ногой стою в Европе,
Другою – в Азии стою.

В раздумье попираю доски,
Гляжу на воду и траву.
Как будто бы колосс Родосский,
Совсем не в мифе – наяву.

Когда- то здесь орда ступала,
А в ту войну себе на грех
Сам бесноватый до Урала
Решил расширить третий рейх.

Нарвался не на те пороги,
Разбив крутые корабли.
Заехал не на те дороги,
Что к эшафоту привели.

Забыл за пивом и сосиской,
Как здесь приветствуют врага.
Помстилось, что колосс
Российский
Стоит на глиняных ногах.

Два континента на истоке
Я ощущать перестаю...
Одной ногой стою в Европе,
Другою – в Азии стою.
2010 г.

Реквием

(воюющим в горячих точках посвящается)

Кто говорит, что на войне
Солдаты привыкают к смерти?
Нет, не кощунствуйте, не верьте,
Она там горестней втройне.

Ты снова делишься судьбой,
Как табаком и горьким хлебом,
Спишь на земле, укрывшись
небом,
А впереди – последний бой.

В крови, отчаянье, поту
Смерть неизбежна и нелепа,
И не затянешь звёзды крепом,
Шагнув внезапно в пустоту.

Кто говорит, что на войне
Страда похожая как поле?
В страданье не привыкнуть
к боли,
Как к фото брата на стене.

Привыкнуть к смерти не дано,
Она живым сердца пронзает
И каждый раз напоминает:
Открыто вечности окно.

Припев:

Мальчики, вечные мальчики,
Души у близких болят.
Только судьбу обозначили,
Но уже пухом земля.
2002 г.

> Чем лучше узнаю людей, тем больше нравятся собаки. Александр ПАВЛОВ